

— Я знаю, — ответила Сун Чжаоди. — Невестка, я не буду провожать тебя.

— Не нужно, не нужно.

Уходя, невестка Дуань тяжело вздохнула — эта жена Чжун Цзяньго умеет сводить концы с концами.

Сун Чжаоди посмотрела на огурцы и помидоры, лежащие у колодца, и повернулась к своему дешевому сыну:

— Дава, твоя тетя и раньше была такой милой?

— Да, — взгляд мальчика не отрывался от помидор. — Я голоден.

Сун Чжаоди проследила за взглядом ребенка:

— Я приготовлю яичницу позже. Если ты хочешь съесть помидоры или огурцы, я помою их для тебя.

— Не хочу, — выпалил мальчик.

Сун Чжаоди чуть не разразилась хохотом. С трудом сдерживая смех, чтобы не упасть на землю, она поднялась и отправилась на кухню, чтобы раскатать лапшу. Когда вода в кастрюле закипела, а лапша отправилась в кастрюлю, из нее поплыл аромат, Сун Чжаоди не могла не сделать глубокий вдох — наконец-то все готово.

— Уже готово? — раздался от двери голос Давы.

Сун Чжаоди потянулась:

— Готово, подожди пока снаружи.

— Зеленая лапша? — Эрва сел на маленькую скамеечку, посмотрел вниз и распахнул глаза в удивлении. — Это зеленая лапша.

Сун Чжаоди, подавая Санве яичный крем, ответила:

— Это зеленая лапша. Она немного горячая, подуйте на нее перед тем, как есть.

— Зеленую лапшу можно есть? — Дава наклонил голову и с любопытством спросил.

— Лапша становится зеленой, потому что ее окрашивают овощным соком. Ну как, вкусно? Малыш Дава, скажи мне правду, и тогда я приготовлю утку на ужин.

Дава притворился, что не расслышал, и откусил кусочек яичницы-глазуни.

— Я никогда не лгу, — сказала Сун Чжаоди. — Когда Санва доест яичный крем, я надеюсь услышать ответ.

Дава поднял голову и уставился на эту плохую женщину:

— Очень вкусно!

— Слышу, — ответила девушка. — Дава, мне нравятся честные дети. Эрва, яичница вкусная?

— Вкусно, — улыбнулся Эрва с набитым ртом.

— Хороший мальчик, — не скупилась на похвалы Сун Чжаоди.

После обеда Сун Чжаоди сложила две скамейки со второго этажа вместе, затем вытащила циновку с кровати Чжун Цзяньго и отнесла все вниз, чтобы трое детей могли усестись и поиграть.

Дава дразнил младшего брата погремушкой, но время от времени его глаза заглядывали на кухню. Однако от лапши, которую он ел в середине дня, и от углеводов, содержащихся в сладостях, хотелось спать. Настолько, что, прежде чем Сун Чжаоди успела замесить тесто для паровых булочек, трое малышей уже уснули.

Сун Чжаоди почувствовала, что в гостиной стало тихо, и вышла посмотреть. Трое детей спали бок о бок.

Поглядев на их невинные лица, девушка не удержалась от того, чтобы нежно погладить лицо Давы. Она вышла во двор, взяла несколько высохших предметов одежды и укутала детей.

Теперь Сун Чжаоди могла спокойно заняться своими делами, не переживая о плаче или каких-то несчастных случаях. Только наступило три часа, а девушка уже почистила утку и разожгла огонь в плите, чтобы приготовить суп с тушеной птицей.

Сяо Ли и впрямь надежный человек. Сун Чжаоди попросила взрослую утку, и он купил трехлетнюю или четырехлетнюю особь. Девушка побоялась, что рагу не протушится, поэтому

налила в горшок воду до краев и поставила медленно тушиться.

Утка тушилась, а тесто на паровые булочки еще не поднялось, но и первоначальная Сун Чжаоди, и Лю Лин не могли сидеть без дела. Девушка взяла детскую одежду, разобрала ее и начала штопать дыры. Так незаметно прошло два часа.

Сун Чжаоди прикинула, что утка должна быть почти готова, и начала собирать корзинку с шитьем, как вдруг услышала шепот:

— Так вкусно пахнет.

— Проснулся?

Сун Чжаоди подняла глаза и увидела, что Дава встал, ухватившись за скамейку, и сонно оглядывался по сторонам.

Любопытство на лице мальчика исчезло в одно мгновение, он поджал губы и что-то буркнул.

Сун Чжаоди захотелось рассмеяться:

— Разбуди братьев и поиграйте немного во дворе, потом поедем.

— Папа не вернулся, — напомнил Дава.

— Тогда давайте подождем, пока ваш отец вернется, прежде чем начнем есть, — ответила Сун Чжаоди. Договорив, она взяла ножницы и пошла во двор, чтобы срезать все хризантемы, которые уже были в полном цвету.

Дава встревоженно взглянул на нее и уже было открыл рот, чтобы назвать ее плохой женщиной. Когда он понял, что эта плохая женщина снова шила для него одежду, он изменил свои слова:

— Ты, ты, что ты делаешь?

— Я приготовлю для тебя хризантемы. Ты ведь никогда не ел жареные хризантемы, не так ли?
— спросила Сун Чжаоди.

Дава подсознательно покачал головой, а затем осторожно поинтересовался:

— Хризантемы тоже можно есть?

— Конечно, — Сун Чжаоди помогла Санве пописать, велела Эрве присмотреть за младшим братом и снова обернулась к Даве. — Хочешь помочь мне разжечь огонь?

— Я не умею.

— Я научу тебя, — Сун Чжаоди подожгла дрова и протянула Чжун Дава палку для костра. — Когда дрова вот-вот выпадут, используй палку, чтобы запихнуть их обратно. Если дров почти нет, добавь два полена. Понял?

— Понял, — кивнул Дава.

Лю Лин не отличалась терпением, но она сама выбрала этих детей, поэтому она была особенно мягкой, когда разговаривала с мальчиком. Даве же так и хотелось возразить, что он не понял, но у него не хватало духу даже открыть рот.

Сун Чжаоди, которая была занята замешиванием паровых булочек, не заметила, что ребенок то смотрел на дрова, то оценивающе смотрел на нее.

Когда из печи донесся аромат приготовленных на пару булочек, Сун Чжаоди налила масло в маленькую кастрюльку, чтобы обжарить хризантемы, обмазанные яйцом.

Спокойствие с лица Чжун Дава исчезло, с пораженным выражением он привстал на цыпочки, чтобы заглянуть в кастрюлю:

— Мы действительно можем это съесть?

— Конечно, — Лю Лин объездила весь мир, не говоря уже о том, что она ела жареные хризантемы, она даже пробовала пчел и куколок шелкопряда. — Я хочу пожарить помидор, но у нас нет соевого соуса. Может ли Дава сходить в соседний дом к дяде Лю и одолжить немного?

Мальчик послушно кивнул.

Сун Чжаоди слегка улыбнулась:

— Дава такой хороший, — она протянула ему маленькую миску. — Просто скажи тете, что полмиски хватит, чтобы приготовить еду.

— Я понял, — Чжун Дава выбежал на улицу с миской в руках и столкнулся в дверях со взмокшим Чжун Цзяньго. Ребенок думал о жареных хризантемах и сунул миску в руки отцу:

— Она хочет соевый соус, папа, сходи к дяде Лю и одолжи его.

Чжун Цзяньго на мгновение опешил. Осознав, что его старший сын помогает Сун Чжаоди работать, он недоверчиво спросил:

— Кто она?

— Мачеха, — выпалил ребенок и торопливо побежал в дом. Опасаясь, что Сун Чжаоди подумает, что он непослушен, он вбежал на кухню и объяснил:

— Папа сам сходит.

Сун Чжаоди смутно слышала голос Чжун Цзяньго:

— Тогда давайте накрывать стол.

— Больше не разжигать огонь? — поспешно спросил ребенок.

Сун Чжаоди улыбнулась и сказала:

— Не нужно, иди поиграй со своими братьями.

— Хорошо.

Дава пошел в гостиную и не стал искать двух младших братьев, а перетащил маленький квадратный столик для ужина и скамейки на середину гостиной.

Чжун Цзяньго вернувшись, увидел старшего сына, выходящего с паровыми булочками. Он был потрясен и быстро подошел к Сун Чжаоди:

— Что за колдовской суп ты налила моему сыну?

— Ты можешь говорить по-человечески? — задала встречный вопрос девушка.

Чжун Цзяньго на мгновение поперхнулся:

— Раньше, когда рядом была его мать, он даже не шевелился, когда его просили взять палочки, а кричать ему, чтобы он ел, было все равно, что просить его жизни. Как ты его приручила?

— Мама говорила мне, что для того, чтобы завладеть сердцем мужчины, нужно сначала завладеть его желудком, — Сун Чжаоди бросила взгляд на мужчину. — Хотя твой сын еще мал, ты не можешь отрицать, что он мужчина.

Чжун Цзяньго отмахнулся от нее:

— Я не буду слушать твою чушь. Рис твоей матери, моей тещи, не такой вкусный, как рис в казане столовой.

— Можешь не верить, — Сун Чжаоди влила в кастрюлю немного соевого соуса. — Товарищ Чжун Цзяньго, подумай, я когда-нибудь лгала тебе?

Чжун Цзяньго собрался возразить и внезапно понял, что Сун Чжаоди никогда ему не лгала. Это он сам поверил, что она была честна, и он сам ошибочно подумал, что она окончила только среднюю школу:

— Ты не лгала мне, ты просто постоянно вводила меня в заблуждение.

— То есть ты признаешь, что я не лгала, — Сун Чжаоди выглянула из угла и увидела Даву, стоящего в дверях. — Дава, тетушка Дуань дала нам много еды сегодня и одолжила соевый соус. Как ты думаешь, чем мы можем ее отблагодарить?

Чжун Дава нахмурился и немного подумал:

— Хм, паровыми булочками?

— Я хочу дать ей восемь цветков, — Сун Чжаоди поджарила девятнадцать желтых хризантем и разложила их на два подноса, когда они приготовились. — Если ты не согласен, тогда мы дадим ей паровые булочки. Хотя, думаю, что невестка Дуань очень любит цветы.

Чжун Цзяньго недоуменно спросил:

— Какие цветы? Какие паровые булочки?

— Тетя любит цветы, — очень неохотно согласился Дава, посмотрев на желтые хризантемы на подносе. Подумав, что соседская тетя была очень добра к нему, он облизнул губы и указал на тарелку с восемью хризантемами:

— Это для нее, другая не подойдет.

— Хорошо! — просияла Сун Чжаоди. — Дава действительно хороший мальчик. Я положу их в

маленькую корзинку, а ты тогда отнесешь.

— Кого «их»? — Чжун Цзяньго увидел, что его новая жена и старший сын не обращают на него внимания, поэтому он подошел к мальчику и протянул руку, чтобы ущипнуть его.

Хлоп!

Дава шлепнул отца по тыльной стороне ладони:

— Не щипайся!

<http://tl.rulate.ru/book/77678/3557863>